

RU

Корректирующее коммуникативное поведение в контексте дискурсивной практики культуры отмены (на примере публичных извинений медийных персон)

Дубинина И. И.

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении специфики корректирующего коммуникативного поведения объекта культуры отмены в интернет-пространстве. Прагматический контекст моделирует корректирующее поведение в соответствии с характеристиками коммуникативного события и жанра публичного извинения. В данной работе проводится анализ корректирующего коммуникативного поведения в отношении следующих составляющих коммуникативной ситуации «культура отмены»: 1) объект культуры отмены; 2) проступок; 3) норма/ценность; 4) субъект культуры отмены; 5) контекст (напряженная политическая ситуация); 6) предполагаемый или реальный ущерб для объекта культуры отмены. Научная новизна заключается в том, что впервые были определены конфликтогенные зоны и коммуникативные стратегии корректирующего поведения в контексте дискурсивной практики культуры отмены, осуществлены их систематизация и описание. В результате анализа публичных извинений медийных персон было выявлено шесть групп коммуникативных стратегий, нацеленных на митигацию отношения адресата (к проступку, к адресанту) и корректировку позиции адресанта (по отношению к адресату, к нарушаемой ценности, к политической ситуации, к «наказанию»). Описаны вербальные средства и когнитивные механизмы реализации выявленных стратегий достижения коммуникативного намерения, а именно оптимизации коммуникации с публикой и минимизации последствий нарушения норм.

EN

Corrective communicative behavior in the context of the discourse practice of cancel culture (using the example of public apologies of media personalities)

I. I. Dubinina

Abstract. The study aims to identify the specifics of the corrective communicative behavior of the cancel culture object in the Internet space. The pragmatic context models corrective behavior in accordance with the characteristics of a communicative event and the genre of a public apology. The paper analyzes corrective communicative behavior in relation to the following components of the communicative situation “cancel culture”: 1) the object of cancel culture; 2) misconduct; 3) norm/value; 4) the subject of cancel culture; 5) context (tense political situation); 6) the alleged or actual damage to the object of cancel culture. The study is novel in that it is the first one to identify the conflict zones and communicative strategies of corrective behavior in the context of the discourse practice of cancel culture, to systematize and describe them. As a result of analyzing public apologies of media personalities, six groups of communication strategies were identified aimed at mitigating the addressee’s attitude (to misconduct, to the addresser) and correcting the addresser’s position (in relation to the addressee, to the violated value, to the political situation, to “punishment”). The verbal means and cognitive mechanisms of implementing the identified strategies for achieving communicative intent, namely, optimizing communication with the public and minimizing the consequences of norms violation, were described.

Введение

Проблема изучения оптимизации коммуникативного поведения, в том числе его корректирующей функции, всегда привлекала к себе внимание лингвистов, но особую востребованность она приобрела на современном

этапе функционирования социума. Актуальность данной проблематики определяется: 1) развитием новых ценностных ориентиров общества и, соответственно, его новых потребностей в условиях все большего переноса социальной и профессиональной жизни людей в виртуальную реальность; 2) сменой смысложизненных нарративов, изменением стереотипов восприятия действительности; 3) сменой прагматических переменных, а именно появлением нового рычага воздействия – культуры отмены, в самом общем смысле практики общественного порицания; 4) необходимостью выявления коммуникативных средств, митигирующих урон, наносимый кэнселингом. «Перспектива управления самой «культурой отмены» все больше привлекает внимание ученых лингвистов, ставящих целью выявление возможности «контролировать масштаб и последствия кампаний «отмены» с помощью языковых средств» (Мелина, 2023, с. 60). Развитие этой дискурсивной практики в последнее время также может послужить объяснением роста популярности публичных извинений. По мнению Р. Лакоффа, «эти извинения, при всей их буквальной бессмысленности, имеют серьезные последствия, так как они переставляют акценты и передают кому-то право решать, какое значение имеют события, и как о них следует говорить, и кто будет говорить о них публично» (2007, с. 191).

Для достижения поставленной цели выдвигаются следующие задачи: 1) определить векторы корректирующего коммуникативного поведения в контексте культуры отмены; 2) выявить коммуникативные стратегии корректирующего поведения; 3) описать вербальные средства и когнитивные механизмы реализации выбранных стратегий; 4) проанализировать ценностные установки, постулируемые в публичных извинениях.

В данном исследовании использовался метод дискурсивного анализа для установления и описания корректирующих коммуникативных стратегий; метод контекстуального анализа для выявления вербальных средств, используемых для реализации коммуникативных стратегий публичного извинения; аксиологический лингвистический анализ для определения ценностных ориентиров, продуцируемых в публичном извинении.

Материалом для исследования послужили публичные извинения медийных лиц после участия в «голой вечеринке»: А. Ивлеевой, Д. Бирана, К. Собчак, Л. Милявской, Ф. Киркорова (<https://rbc-ru.turbopages.org/rbc.ru/s/society/28/12/2023/658c5e779a794703efb49791>) (длительность всех видеообращений в совокупности составила 17 минут, транскрипт – 15665 знаков).

Теоретической базой послужили работы, посвященные жанру публичного извинения, его аксиологическим и лингвопрагматическим характеристикам (Кошкарлова, 2020; 2021; 2023; Лакофф, 2007; Ратмайр, 2003); исследованию коммуникативного поведения языковой личности в рамках лингвокультурологии, аксиологической лингвистики и лингвопрагматики (Карасик, 2002; 2007; 2014; Молявина, 2022; Мурейко, 2011; Павловский, 2013; Трофимова, 2008); изучению дискурсивной практики культуры отмены (Мелина, 2023; Субботина, 2022).

Практическая значимость заключается в возможности использования материалов при разработке теоретических и практических курсов по прагмалингвистике, аксиологической лингвистике, лингвокультурологии; спецсеминаров по оптимизации коммуникативного поведения. Кроме того, материалы исследования могут быть использованы при изучении спецкурсов и спецсеминаров по PR-коммуникации, имиджмейкингу и политехнологиям, для обучения успешному выходу из коммуникативной ситуации «культура отмены».

Обсуждение и результаты

Корректирующее коммуникативное поведение в данной работе рассматривается как семантическая категория «план содержания – план выражения» (корректирующее коммуникативное поведение – способы выражения), как прагматическая категория «план содержания – контекст» (корректирующее коммуникативное поведение – контекстные условия реализации) и как аксиологическая категория «план содержания – аксиогенная ситуация» (корректирующее коммуникативное поведение – подтверждение идентичности лингвокультурной общности). Под аксиогенной ситуацией мы, вслед за В. И. Карасиком (2014, с. 65), понимаем ценностнопорождающую специфическую референтную ситуацию, характеризующуюся важностью для культурно-языкового сообщества и поэтому допускающую ценностно маркированное осмысление. Аксиологическая природа дискурсивной практики культуры отмены нашла подтверждение в исследовании феномена с точки зрения амбивалентного характера продуцируемой коммуникации, которая, с одной стороны, может выступать как искаженная структура взаимодействия, как коммуникация насилия и вражды, а с другой стороны, транслировать «здоровые» тексты, определяющие экологичную коммуникацию (Дубинина, 2023с); с точки зрения языковых факторов, семантического наполнения «высказывания» (текста, коммуникативного поведения), приращения его ценностного компонента, выступающего триггером культуры отмены (Дубинина, 2023b); с точки зрения коммуникативного поведения, отражающего систему ценностей объекта и субъекта культуры отмены, а также настроения и оценок определенной лингвокультурной общности (Дубинина, 2023а). Структура коммуникативной ситуации «отмена культуры» является многомерной и содержит коллизию, столкновение взглядов, стремлений, ценностей. Ситуация осложняется тем, что роли участников культуры отмены характеризуются двуплавноностью, так как, с одной стороны, объект (= фигуранты вечеринки) – это нарушители норм, субъект (= общество) – это хранитель норм и институт наказания, а с другой стороны, субъект и объект культуры отмены как личности – это и носители, и нарушители норм. В философском исследовании А. И. Павловского такая личность описывается как «аксиологический субъект», который «придает исходной жизненной активности человека направленность» (2013, с. 56). В лингвистической парадигме, представителем которой является В. И. Карасик, в структуре языковой личности особое место принадлежит «ценностям – наиболее фундаментальным

характеристикам культуры, высшим ориентирам поведения» (2002, с. 166). На основе этой общности – бытования в роли аксиологического субъекта – говорящий выстраивает ряд митигативных стратегий, способствующих восстановлению его положительного имиджа и минимизации последствий совершенного проступка. К составляющим компонентам коммуникативной ситуации «культура отмены» мы относим: 1) объект культуры отмены – участник вечеринки “Almost naked”, нарушитель этических, моральных, нравственных и социальных норм / аксиологический субъект – человек, соблюдающий или нарушающий нормы поведения; 2) проступок, нарушение нормы, попрание ценности; 3) норма/правило/ценность; 4) субъект культуры отмены – внешний наблюдатель, хранитель и носитель этических, моральных и нравственных норм / аксиологический субъект – человек, соблюдающий или нарушающий нормы поведения; 5) контекст – напряженная политическая ситуация; 6) предполагаемый или реальный ущерб для объекта культуры отмены (влияет на коммуникативное намерение и усилия, которые он прилагает для оптимизации конфликтной ситуации). К важным характеристикам дискурсивной практики культуры отмены относится ее реализация в интернет-пространстве. М. В. Субботина (2022, с. 35) подчеркивает, что благодаря развитию социальных сетей создаются условия для непосредственного контакта между знаменитостями и публикой.

В праве виновный человек, игнорирующий общественные интересы и нормы, понесет наказание, в морали вина влечет за собой осуждение. В современных экономических реалиях публичность – это ресурс, который можно монетизировать, поэтому репутация медийных персон напрямую связана с доходами, а следовательно, ее защита – это не только вопрос морали, но и вопрос финансов. Таким образом, осуждение в нравственной плоскости может привести к экономическим санкциям. Культура отмены как дискурсивная практика находится в зоне пересечения моральной, правовой и экономической сфер и выступает механизмом регуляции различных форм (коммуникативного, речевого, языкового и т. д.) поведения, связанного с нарушением социальных (этнических, гендерных, религиозных и т. д.) норм. Как верно заметила Р. Ратмайр, «извинения – это процедуры восстановления порядка, и, следовательно, они в то же время являются признаком нарушения нормы» (2003, с. 178). Логично предположить, что коммуникативные намерения адресанта связаны так или иначе с восстановлением норм/ценностей, минимизацией ущерба от нарушения норм/ценностей, апелляцией к нормам/ценностям, митигирующим проступок. Однако, как справедливо отмечает В. И. Карасик, «люди оформляют свои интенции в виде коммуникативных поступков, которые соответствуют принятым в обществе форматам общения – коммуникативным жанрам» (2007, с. 452), то есть их коммуникативное поведение ограничено рамками определенных канонов, и в данном случае рамками жанра публичного извинения. Н. Н. Кошкарлова полагает, что «коммуникативная цель извинения как речевого жанра заключается в регулировании межличностных (а в случае публичного извинения – межгосударственных) отношений, восстановлении имиджа человека и (или) государства, возобновлении сотрудничества (коммуникативного или межличностного, межгосударственного)» (2020, с. 216). Для осуществления данной цели с лингвистической точки зрения необходима «одновременная реализация прагматических интенций на различных уровнях: концептуально-тематическом, функционально-прагматическом и формально-стилистическом» (Молявина, 2022, с. 96). Таким образом, эффективная стратегия выстраивает логику коммуникативного поведения с учетом совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов, к которым относятся в том числе компоненты коммуникативной ситуации. В процессе анализа текстов публичных извинений мы пришли к выводу, что коммуникативные стратегии корректирующего поведения могут быть классифицированы в следующие группы: 1) корректировка отношения адресата к проступку; 2) корректировка позиции адресата по отношению к адресанту; 3) корректировка позиции адресанта по отношению к адресату; 4) корректировка позиции адресанта по отношению к нарушаемой ценности; 5) корректировка позиции адресанта по отношению к политической ситуации; 6) корректировка отношения адресанта к «наказанию». Рассмотрим более подробно каждую группу.

Первая группа стратегий направлена на корректировку отношения адресата к проступку, участию в скандально известной «голой вечеринке», и включает стратегию оправдания, которая реализуется с помощью различных тактик, в качестве оправдательных причин указываются: недостаток информации, Ф. Киркоров говорит, что «не знал о характере событий, которые будут за этими дверьми»; неправильный прогноз развития событий, так, К. Собчак, полагаясь на предыдущий опыт вечеринки в Праге, не предполагала такого развития событий: «...у меня была уверенность, когда я получила приглашение на вечеринку, что здесь будет так же»; профессиональная необходимость, которую в качестве оправдания четко постулирует Д. Билан: «Посещение мероприятия – это часть моей профессии, это моя работа»; неосознанность/незапланированность нанесения кому-либо оскорбления, К. Собчак: «Никем не планировалось как публичная история или публичное заявление», Д. Билан: «Знать заранее, что позволит себе надеть тот или иной, я просто не мог. Я могу отвечать только за себя».

Корректирующая коммуникативная стратегия перекатегоризации является эффективным митигирующим инструментом, направленным на смену семантического наполнения проступка. К. Собчак: «...я не хочу вызывать вот это ощущение ненависти и злости по отношению ко мне или к другим артистам из-за такой глупой случайности». Важным с аксиологической точки зрения является акцент на том, что это не «публичное заявление», «не публичная история», автор апеллирует к аксиогенной ситуации разделения жизни на частную и общественную. Стилистически интересным представляется именование проступка Ф. Киркоровым: «Меньше всего я бы хотел, чтобы подобные события, оплошность с моей стороны стали причиной ограничения моего творчества в России...». Использование литоты функционально оправдано, так как служит целям нарочитого смягчения восприятия аксиологической ситуации. В публичных извинениях также происходит подведение вечеринки “Almost naked” под другую категорию – Д. Билан: «20 декабря я был приглашен на Арт-выставку...»; Л. Милявская:

«...последний раз хочу подчеркнуть, что шли мы на Арт-выставку, арт-объект». Номинация с нейтральной коннотацией призвана переформатировать отношение к коммуникативному поведению медийных персон. Само событие – вечеринка “Almost naked” превращается в «небезызвестную историю» в высказывании Ф. Киркорова. Цель эвфемизации заключается в маскировке подлинной сущности мероприятия.

Следующая стратегия, которая направлена на изменение отношения к проступку, – это стратегия уклонения от ответственности, заключающаяся в переносе вины на других. Д. Билан: «Я могу отвечать только за себя, не за других», «О дресс-коде я знал, но понимание этого дресс-кода у каждого свое»; К. Собчак: «Но на это мероприятие пришли другие люди, и их чувство прекрасного не всегда совпадало с моим», «На вечеринке было много совершенно разных людей. Они были по-разному одеты, вели они себя тоже по-разному. Было много безвкусицы». К. Собчак также перекалывает вину, согласно ее риторике виноват не тот, кто участвовал, а тот, кто сделал мероприятие достоянием общности: «Проснувшись, увидев фото в открытом доступе, я тоже посчитала демонстрацию вечеринки на весь мир неуместной».

Ко второй группе стратегий, направленных на изменение позиции адресата по отношению к адресанту, относится коммуникативная стратегия корректировки дистанцирования «свой» / «чужой». Н. Н. Кошкарлова анализирует жанр публичного извинения и приходит к выводу, что «в его основе всегда находится оппозиция “свои – чужие”» (2021, с. 60). Исходя из результатов исследования, которые получены Р. Ратмайр, следует, что «нарушение социальной нормы, не сопровождающееся извинением, означает, что виновник либо находится в сознательной оппозиции к господствующим нормам, либо не относится к данному обществу, является для него чужим» (2003, с. 246). Позиционирование принадлежности к «своим» выражается на эксплицитном уровне, с использованием прямо-номинативных лексических единиц, непосредственно указывающих на эту принадлежность, так Ф. Киркоров в своем публичном извинении заявляет: «Я артист только своей страны. Я патриот только своей страны. Я никогда не пытался усидеть на двух стульях, я никуда не уезжал и не предавал». Увеличение иллокутивной силы высказывания достигается приемом синтаксического параллелизма, использованием в связке личного местоимения «я» и притяжательного местоимения «своя». Употребление в речи номинативных единиц «страна», «Россия» в контексте жизни и работы акцентирует связь адресанта с адресатом, не только территориальную и этническую принадлежность к одной общности, но и декларируемую осознанность и ценность этой принадлежности для адресата: «Я журналист, который работает в России» (К. Собчак); «Я живу, работаю, строю бизнес в России» (А. Ивлеева). Проследить данную стратегию можно и на имплицитном уровне, посредством определительного местоимения «каждый» (Ф. Киркоров: «В жизни каждого человека бывают моменты, когда зашел не в ту дверь»); личных местоимений «я», «вы», «мы» (Д. Билан: «Друзья, у нас с вами сложилась традиция, когда происходит какое-то спорное или серьезное событие, я вам, от первого лица стараюсь рассказать о том, как все было на самом деле»); наречия «вместе» (Л. Милявская: «Давайте попробуем как-то вместе, ну все-таки вместе»). Значимым вербальным средством, оказывающим влияние на эффективность применяемой стратегии, является начало публичного извинения, выбор обращения к аудитории, ее именование: «Дорогие мои друзья» (Ф. Киркоров); «Друзья» (Д. Билан).

На изменение позиции адресата направлена коммуникативная стратегия достижения понимания и снисхождения к адресанту. Рассмотрим следующий отрывок из публичного извинения Л. Милявской: «Знаете, усталость, которая накопилась у всех за год, и работа такая, что каждый день мотаешься, пытаешься настроение создать, вы думаете отрываться не хотелось? Хотелось». Текст характеризуется полииллокутивностью, содержит оправдательный элемент – «и работа такая, что каждый день мотаешься, пытаешься настроение создать», элемент коррекции дистанции «свой» / «чужой» – «усталость, которая накопилась у всех за год», но мы полагаем, что именно вопрос к аудитории и ответ («вы думаете отрываться не хотелось? Хотелось») определяют стратегию достижения снисхождения и понимания от адресата. Факультативное расширение иллокутивной силы данного текста происходит за счет искренности, признания в человеческой слабости. Перлокутивный эффект, которого пытается достичь Л. Милявская, – снисхождение к неправильному поведению и пониманию.

В публичных извинениях почти все участники «голой вечеринки» приносят извинения, но понятие вины модифицируется. Согласно определению в словаре по этике, вина – это «положение, противоположное правоте, в котором оказывается человек, нарушивший нравственные или правовые нормы, совершивший проступок или преступление» (Словарь по этике, 1989, с. 39). Однако проступок в видеообращениях перекалывается в ошибку, за которую участники приносят извинения. Стратегически это очень весомая замена, так как проступок = пренебрежение моральными ценностями влечет за собой гораздо большие последствия в смысле наказания, чем совершение ошибки. И коммуникативная стратегия признания вины трансформируется в коммуникативную стратегию признания ошибки, которая на тактическом уровне проявляется по-разному. Семантическое наполнение лексической единицы «ошибка» не меняется, но прагматическое значение конструирует разные реальности, объединяющей функцией которых является коррекция отношения к адресанту. Возможно эксплицитное признание в совершении ошибки, как в речи Ф. Киркорова: «Я осознаю совершенную мной ошибку». Другой пример тактической реализации стратегии признания ошибки представлен в речи Д. Билана, который переносит фокус разговора с темы участия в вечеринке и, говоря об ошибке, акцентирует внимание на своих положительных поступках, позиционирует себя как скромного человека: «И, наверное, моя ошибка в том, что большую часть помощи, которую я оказываю не только в нынешнее время, но и вообще на протяжении своего пути, я не транслирую». В речи Л. Милявской используются косвенные средства, выражающие корректирующее коммуникативное поведение, которые по степени воздействия на адресата обладают огромным потенциалом: «Знаете, чем живой человек от мертвого отличается? Живой

анализирует происходящее, понимает, делает выводы, работает над ошибками». Ответ на вопрос имплицитно указывает на признание совершенной ошибки, но стратегически, благодаря тактике генерализации, говорящий достигает другого перлокутивного эффекта: рассуждения «выносят» совершившего проступок за пределы аксиогенной ситуации.

Третью группу представляют стратегии корректировки позиции адресанта по отношению к адресату. К данным стратегиям принадлежит стратегия демонстрации позитивного отношения к адресату, которая нашла отражение практически во всех рассмотренных публичных извинениях. Для достижения данной цели участники «голой вечеринки» обращаются к коммуникативной тактике обозначения ценностного отношения к адресату как к соотечественнику: «Я люблю свою страну» (К. Собчак). Другая постулируемая ценность – любовь к адресату как к зрителю: «Я люблю только своего зрителя и слушателя» (Ф. Киркоров); «Я уважал и уважаю своих зрителей и соотечественников» (Д. Билан). В качестве вербальных средств используются глаголы «любить», «уважать», эксплицирующие позитивное эмоциональное отношение к согражданам/зрителям. Коммуникативная тактика декларирования приоритетов в работе выступает непрямым средством выражения позитивного отношения к адресату: «Мне важно работать в России для нашей аудитории, куда важнее отношений с ушедшими брендами» (А. Ивлеева). Также непрямым средством передачи важности адресата является коммуникативная тактика обозначения роли адресата в жизни артиста: «...в России – единственной стране, где я существую как артист и как гражданин» (Ф. Киркоров).

Четвертая группа стратегий ориентирована на корректировку позиции адресанта по отношению к нарушаемой ценности. По мнению Н. Н. Кошкаровой, «в жанре публичного извинения ярко проявляется аксиологическая составляющая, так как именно столкновение моральных ценностей и установок лежит в основе существования указанного жанрового образования» (2023, с. 695). Признание вины – это признание отступления от норм, которых придерживается общество. Следовательно, можно предположить, что одной из прагматических целей адресанта становится не только демонстрация знания об этих нормах и ценностях, но и приверженности к ним, а также негативная оценка своего поведения. Схожий подход выражает Н. А. Трофимова, которая рассматривает «извинения как полиинтенциональные, гибридные речевые акты», включающие в том числе «выражение эмоциональной аверсии говорящего по поводу собственного поведения» (2008, с. 35). И эта палитра коммуникативных намерений проявляется в выборе говорящим следующих коммуникативных стратегий: стратегия трансляции соответствия коммуникативного поведения нормам и правилам: «Когда я пришел туда, я сразу понял, где и в какой обстановке я нахожусь, и уже точно для себя решил, что в моих соцсетях включений с этой вечеринки просто не будет» (Д. Билан); демонстрация приверженности важнейшим общечеловеческим ценностям: «Всегда горой стоял и стою за свою страну» (Д. Билан); «Родину люблю» (Ф. Киркоров); «Я люблю свою страну» (К. Собчак); стратегия демонстрации негативного отношения к собственному поведению: «...не может и не должен артист моего масштаба, народный артист так безответственно относиться к участию в каких-либо мероприятиях» (Ф. Киркоров). В своем видеообращении А. Ивлеева гипертрофированно выражает аверсию к своему поведению: «...я действительно выгляжу человеком, слетевшим с катушек, который потерял связь с реальностью; ... я была оторвана от реальности в погоне за какими-то своими достижениями; ...оказалась на самом дне». Использование экспрессивных стилистических средств – фразеологизмов «слететь с катушек», «оказаться на дне», метафоры «оторвана от реальности» – позволяет объекту культуры отмены убедительно передать крайне негативную оценку своего поведения. Фактически речь идет о приоритете социокультурных кодов, доминирующих в обществе, которые мы, вслед за Л. В. Мурейко, определяем как «свод правил или ограничений, обеспечивающих коммуникативное функционирование социально и культурно обусловленной знаковой системы» (2011, с. 11).

Пятая группа включает стратегии корректировки позиции адресанта по отношению к политической ситуации. Все персонажи дают характеристику сложной ситуации, выражая прямыми и косвенными вербальными средствами политический аспект, и транслируют понимание и поддержку: «А сейчас в такое непростое время, время сложное...», «Да, я хотела презентовать свой арт-проект, я так его называю, но это можно было сделать более гуманно, более в ногу со временем, с учетом нынешнего положения» (А. Ивлеева); «Понимаю, какая сейчас обстановка в нашей стране», «Я включен в новостную повестку» (Д. Билан); «Ну потому, что при всей своей любви к провокации, эпатажу, я прекрасно знаю: первое, под них всегда стоит аккуратно выбирать время, сейчас не оно» (К. Собчак); «В нынешнее трудное время, время героическое не может и не должен артист моего масштаба, народный артист так безответственно относиться к участию в каких-либо мероприятиях» (Ф. Киркоров). В реализации данной стратегии широко представлен хронотопический дейксис, все участники указывают на временную и пространственную локализацию события, обозначения времени и места: сейчас, в нашей стране. В монологах авторов активно используется такой стилистический прием, как перифраза, где «время» выступает для описания политической ситуации, при этом достигаются разные цели: характеризуется политическая ситуация; выражаются эмоции адресанта, его личная оценка; демонстрируется самокритика, понимание отсутствия вовлеченности (можно было сделать... в ногу со временем, с учетом нынешнего положения). На эмоциональную значимость отношения участников вечеринки к напряженной политической ситуации указывают использование синтаксической фигуры – анадиплосиса и стилистической фигуры – градации (в нынешнее трудное время, время героическое; непростое время, время сложное). В целом использование выразительных средств усиливает воздействие на адресата и способствует более эффективному достижению коммуникативного намерения адресанта убедить субъекта культуры отмены в своем равнодушном отношении к тому, что происходит в стране: «И меня уличить в безучастности невозможно» (Д. Билан).

Шестая группа стратегий включает корректировку отношения адресанта к «наказанию». Коммуникативная стратегия трансляции озабоченности и беспокойства в отношении наказания реализуется посредством эксплицитно выраженной коммуникативной цели высказывания: «Меньше всего я бы хотел, чтобы подобные события, оплошность с моей стороны стали причиной ограничения моего творчества» (Ф. Киркоров); «...я не хочу вызывать вот это ощущение ненависти и злости по отношению ко мне или к другим артистам» (К. Собчак).

Заключение

Прагматический контекст моделирует корректирующее поведение в соответствии с характеристиками коммуникативного события и жанра публичного извинения. Векторы корректирующего коммуникативного поведения в контексте культуры отмены направлены на: 1) объект культуры отмены – участника вечеринки “Almost naked”, нарушителя этических, моральных, нравственных и социальных норм; 2) проступок; 3) норму/ценность; 4) субъекта культуры отмены; 5) контекст: напряженная политическая ситуация; 6) предполагаемый или реальный ущерб для объекта культуры отмены.

На основе анализа публичных извинений медийных персон было выявлено шесть групп коммуникативных стратегий, нацеленных на изменение отношения адресата (к проступку, к адресанту) и корректировку позиции адресанта (по отношению к адресату, к нарушаемой ценности, к политической ситуации, к «наказанию»).

Для реализации стратегий объекты культуры отмены используют широкий ряд выразительных вербальных средств и когнитивных инструментов с целью эффективного воздействия на социум, митигации последствий коммуникативного поведения, получившего негативную оценку общества. В результате была выявлена следующая особенность: в выражении отношения к адресату и адресанту объектом культуры отмены используются вербальные средства, не требующие дополнительных интерпретативных усилий, а в отношении проступка, нормы, политического контекста – содержательно осложненные, непрямые средства.

Корректирующее коммуникативное поведение направлено в том числе на интенсификацию идеи об общности ценностных установок. Общая роль – «аксиологический субъект» определяет обращение к пресуппозиции, общему фонду знаний, зоне пересечения индивидуальных когнитивных пространств и, что более важно в данном коммуникативном событии, к общей системе ценностей, позволяя выстраивать коммуникативные стратегии для достижения коммуникативного намерения, а именно оптимизации коммуникации с публикой и минимизации последствий нарушения норм.

Результаты работы открывают перспективы дальнейших исследований в области коммуникативной лингвистики, а именно экологичной коммуникации, лингвистических средств ее реализации.

Источники | References

1. Дубинина И. И. Аксиологический конфликт как потенциальный триггер дискурсивной практики культуры отмены (на материале обновленных словарных статей “woman”/“man” в Кембриджском словаре (2022)) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023а. Т. 16. № 12.
2. Дубинина И. И. Многоуровневая структура высказывания, инициирующая коммуникативную ситуацию культуры отмены (на примере флэшмоба «я русский») // Казанская наука. 2023б. № 10.
3. Дубинина И. И. Новая социальная практика «культура отмены» – коммуникация насилия или противодействия насилию? // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2023с. № 1 (41).
4. Карасик В. И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47).
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
6. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007.
7. Кошкарлова Н. Н. Аксиологические характеристики дискурса новой чувствительности: как реальность отражается в языке // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2021. № 2 (46).
8. Кошкарлова Н. Н. Новые жанры в дискурсе СМИ: аксиологические и лингвопрагматические характеристики // Медиалингвистика: материалы докладов участников VII международной конференции (г. Санкт-Петербург, 28 июня – 1 июля 2023 г.). СПб.: Медиапапир, 2023.
9. Кошкарлова Н. Н. Публичное извинение: вчера, сегодня, завтра // Жанры речи. 2020. № 3 (27).
10. Лакофф Р. Прагматика публичного извинения // Жанры речи. 2007. № 5.
11. Мелина А. Ю. О возможности влияния на процессы «культуры отмены» при помощи лингвистических средств // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876).
12. Молявина Е. А. Коммуникативная стратегия: природа, классификация и прагматика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 7 (862).
13. Мурейко Л. В. Mass-media: к проблеме социально-культурного кода // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 1 (118).
14. Павловский А. И. Субъект и объект в рамках феноменалистического подхода: бытие аксиологического субъекта в системе символических форм // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2013. № 10.

15. Ратмайр Р. Прагматика извинения: сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / пер. с нем. Е. Араловой. М.: Языки славянской культуры, 2003.
16. Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова, И. С. Кона. Изд-е 6-е. М.: Политиздат, 1989.
17. Субботина М. В. Культура отмены: проявление социальной справедливости или новый инструмент манипуляции // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 3.
18. Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты. Семантический, прагматический, грамматический анализ: монография. СПб.: Изд-во ВВМ, 2008.

Информация об авторах | Author information

RU

Дубинина Ирина Ивановна¹, к. филол. н., доц.

¹ Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

EN

Irina Ivanovna Dubinina¹, PhD

¹ Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА

¹ iidubinina@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.09.2024; опубликовано online (published online): 08.10.2024.

Ключевые слова (keywords): культура отмены; корректирующее коммуникативное поведение; митигативная стратегия; оптимизация коммуникативного поведения; аксиологический субъект; жанр публичного извинения; cancel culture; corrective communicative behavior; mitigation strategy; optimization of communicative behavior; axiological subject; genre of a public apology.